

Е. И. Славгородский

**ОТ ЭНЕРГИИ СЛОВА К ЭНЕРГИИ ВЕЩИ:
РАЗВИТИЕ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ ИДЕЙ А. А. ПОТЕБНИ
В ТРУДАХ С. Н. БУЛГАКОВА**

В центре внимания – научное наследие А. А. Потебни, центральной фигуры в истории отечественной лингвофилософской традиции, и учение о слове и языке С. Н. Булгакова, наиболее ярко представленное трудом «Философия имени». В ходе сравнительного анализа указанных концепций выявляются: а) ключевые положения учения С. Н. Булгакова, исторически и генетически восходящие к открытиям А. А. Потебни; б) принципиальное расхождение философских оснований двух концепций (гносеологическая и онтологическая парадигмы изучения языка); в) характерное единство базовых положений Булгакова и Потебни относительно структуры слова и способа функционирования языка.

The article focuses on the scientific heritage of Alexander Potebnya, the central figure in the history of Russian linguistic and philosophical tradition, and Sergey Bulgakov's doctrine of word and language, presented in the work «Philosophy of Name». The comparative analysis reveals the following: a) the key elements of S. Bulgakov's doctrine historically genetically rooted in A. A. Potebnya's linguistic research; b) the basic difference between the philosophical bases of two concepts (gnoseological and ontological paradigms of language study); c) characteristic correspondence of basic views on the structure of word and the functioning of language.

Ключевые слова: философия языка, лингвофилософия, мифологическое мышление, языковое сознание, язык как формирующая деятельность, язык как энергия, философия имени, внутренняя форма слова, софиология.

Keywords: philosophy of language, linguistic philosophy, mythological thinking, language consciousness, language as a developing activity.

Начало XX века в истории русской мысли было отмечено небывалым расцветом философского творчества. Этот период обладал уникальной, не имеющей аналогов в истории западноевропейской мысли, духовной атмосферой «ожидания». Ожидание великого исторического перелома, страсть к духовному обновлению общества и церкви, эстетические пророчества о грядущей эре теургийного творчества – все эти концептосферы объединялись в единое координированное пространство новой религиозно-философской парадигмы.

Наше обращение к идейному наследию этой эпохи объясняется произошедшим всплеском интереса к предмету языкознания, доселе занимавшего исключительно филологов-специалистов. Неожиданное внимание, уделенное языку философской мыслью, было отмечено не только в России, но и в Европе, что позволило А. Ф. Лосеву в свое время говорить о том, «что еще никогда философия языка не занимала столь принципиального места, как сейчас» [3].

Целый комплекс проблем и вопросов, поставленных мыслителями начала XX века, сегодня приобретает чрезвычайное значение. Такие фундаментальные оппозиции, как «язык и нация», «язык и культура», «язык и социум», «язык и ментальный образ действительности», продолжают оставаться в центре внимания молодых междисциплинарных отраслей знания.

Значительный вклад в развитие отечественной лингвофилософской традиции сделал С.Н. Булгаков, посвятивший языку монументальный труд «Философия имени». Однако совершенно особое место в истории русской философии языка занимала личность, оказавшая в буквальном смысле решающее влияние на судьбы языкознания и лингвофилософии в России. Речь идет об А.А. Потебне, мыслителе, чье воздействие на религиозно-философскую проблематику серебряного века и имяславческую доктрину С.Н. Булгакова трудно переоценить. В нашу задачу входит рассмотрение ключевых положений лингвофилософского учения С.Н. Булгакова, исторически и генетически восходящих к открытиям Потебни в области языкознания.

Прежде всего, следует остановиться на узловых моментах концепции ученого-языковеда. Это, во-первых, учение о семантической структуре слова как символа, состоящего из трех элементов, органически связанных друг с другом: субъективное значение слова, внутренняя форма слова (представление), внешняя форма слова (фонема). Особое место в этой связи занимает концепт *внутренней формы слова*, центральной категории системы Потебни, по значению своему выходящей за рамки сугубо лингвистической проблематики. Во-вторых, учение о языке как речевой стихии (формирующей деятельности, *энергии*), в соответствии с которым язык (слово) возможен как общение, *диалогическая активность*, а значит, всегда уже объявлен как акт понимания *другого*. Язык, по Потебне, уже изначально, в самых своих примитивных проявлениях есть акт понимания *другого* и вне *другого*, вне коммуникации с *другим*, ни сознание, ни речь никак себя не артикулируют, а значит — не существуют. Кроме того, в рамках своей *энергийной* концепции Потебня утверждал: слово обладает мирообразующей функцией. Будучи живой деятельностью языкового сознания, язык в процессе означивания чувственных комплексов придает последним целостность, смысловую полноту и образность, тем самым отвечая за формирование целостного представления, а в пределе своем — устанавливая категориальную структуру бытия, в том числе научную и философскую.

Рассуждая о судьбе и роли языка в истории человеческой культуры, Потебня выдвигал ряд положений о развитии языка, а вместе с ним — человеческой мысли. В этом отношении ученый выделял три эпохи эволюции языка — *мифологическую*, *поэтическую*, *прозаическую*. *Мифологическое мышление* характеризуется неразличением предмета и его символа, представленного в языке, так что при актуализации символа необходимо актуализирован и объект, что тесно связано с магией слова, вызвавшей столь серьезный исследовательский интерес в XX веке. Мифологические феномены сознания связаны, по мнению Потебни, с недостаточностью знаний о предмете опыта. Чем больше предметных ха-

рактистик аккумулируется сознанием, тем менее привязано слово к своему чувственному корреляту, тем свободнее чувствует себя язык. Так со временем возникает *поэтическое мышление*, пришедшее на смену мифу. Потебня сближал понятия поэзии и мифа, однако проводил между ними и одно принципиальное различие: миф отождествляет образ предмета и его символ (слово), тогда как поэзия, все еще пребывая в плену чувственного (образного) мышления, умеет отличить сам предмет от его символа, а значит, в силах использовать метафорическое мышление более свободно и в творческом отношении более полно, нежели миф. Наконец, *прозаическое мышление*, финальный этап развития языкового сознания, достигает той степени освобождения от чувственного образа вещи, что в состоянии формулировать абстрактные понятия. *Проза*, в свою очередь, наиболее адекватно реализуется в науке. И все-таки ни миф, ни поэзия, ни проза в ходе своего генезиса не приходят на смену друг другу, а продолжают сосуществовать, реализуя необходимые функции языкового сознания.

Следует заметить, что главное отличие лингвофилософской концепции А. А. Потебни от религиозно-философских доктрин XIX столетия связанных с проблемой языка, сводится к различию лингвофилософских парадигм, господствовавших соответственно в середине XIX и начале XX века. Мы имеем в виду гносеологическую и онтологическую *парадигмы изучения языка*. Если Потебня, утверждая, что в слове заключена сущность вещи, а в языке реализуется процесс познания истины, не забывал добавить, однако, что на самом деле ни истина, ни сама вещь не существуют вне языка; то С. Н. Булгаков, напротив, акцентировал внимание на собственном бытии познаваемой вещи, доступной сознанию, разумеется, только в языке.

Интересен тот факт, что свой фундаментальный трактат, посвященный философии имени, Булгаков написал только тогда, когда близкое общение с П. А. Флоренским (которого вполне уместно назвать создателем «философии имени»), по известным обстоятельствам прекратилось. Булгаков признавался в своих письмах, что Флоренский оказывал столь сильное и всеобъемлющее воздействие на мировоззрение его, что, только освободившись от в буквальном смысле «связывающей» мысли о Павла, он стал способен к самостоятельному творчеству.

Даже ключевую идею Софии, характеризующую всю систему мысли Булгакова, по свидетельству Н. К. Гаврюшина, «заронил в уже подготовленную почву Флоренский» [2]. Именно с рассмотрения софиологических взглядов Булгакова мы начнем анализ его лингвофилософской концепции.

Язык рассматривался Булгаковым в контексте софиологии. София для философа — «Душа мира, Мудрость мира... все совершенный организм идей... Плерома, полнота бытия» [1, с. 64 — 65]. При этом язык в антропокосмической (софийной) модели мироздания занимает центральное место. Если внимание Потебни было сосредоточено на творческой (художественной) деятельности человека, реализуемой в языке, Булгаков был обращен к деятельности (энергии) космоса, его идеальной софийной основе, открываемой человеком в языке.

Мы увидим, как философский интерес Булгакова решительно смещается в сторону предмета как источника языковой деятельности человека. Впервые с такой радикальной убежденностью в истории русской мысли было высказано суждение о том, что «слово есть мир, ибо это он себя мыслит и говорит... Человек есть мировая арена, микрокосм, ибо в нем и через него звучит мир, потому слово антропокосмично... язык всегда был и есть один — язык самих вещей... Словам научает человека не атропоморфизированный Бог, но Богом созданный мир, онтологическим центром коего является человек...» [1, с. 26, 33].

Соответственно и человеческий язык, оставаясь, по сути, главным предметом исследования Булгакова, расценивается теперь как своеобразное отражение языка небесного, софийного, и выше — предвечного языка Логоса: «Есть сфера чистых идей... Но эти идеи как смыслы суть слова... как лучи Божественного Логоса. И «сопричастность» этому Логосу в человеке, который сам есть логос мира... делает возможным познание как в отдельных его актах, так и в целом» [1, с. 100].

В этом смысле, замечал Булгаков, троичная структура Логоса (Троица), отображается в Своих творениях. В своем описании внутри-троичных отношений философ прибегал к помощи католической триадологии (*philioque*), согласно которой Святой Дух исходит от Отца, как и от Сына, то есть является Связью двух ипостасей, условием их взаимного единства. В результате «трансцендентно-актуальное (первая ипостась бытия) смотрится в бытии раздельном и расчлененном идеями, словом (вторая ипостась бытия) и опознается действительно... в связке опознает свое единство трансцендентного и имманентного (третья ипостась)» [1, с. 61].

Основное призвание человека состоит в телесной реализации Софии, «идеального человечества» (В.С. Соловьев), то есть в созидании Церкви, Тела Христова. А это значит, что человек должен стать творческим субъектом идеального мира, заключив последний в себя, то есть стать «организмом имен», «софийным человеком».

Таково характерное решение вопроса о слове и имени в философии С.Н. Булгакова. В какой мере данная система мысли отражает взгляды Потебни на язык, мы и постараемся сейчас выяснить.

Первое фундаментальное положение, объединяющее две концепции, неизменно сохраняется в трудах всех представителей философии имени, в том числе у Булгакова: «Мы не можем отмыслить мысль от слова... так же как не можем их и слить, отождествить до полного слияния, но мы сознаем мысль, рожденную в слове, и слово, выражающее мысль...» [1, с. 22]. В равной степени Булгаков вслед за Потебней говорил об антиномии слова и речи, части и целого в языке, утверждая, что язык есть *энергия*, обладающая собственной устойчивой структурой и элементами: «Слово в отдельности, изолированно, не существует... и, однако, слово имеет, должно иметь свое собственное независимое значение, свою собственную окраску» [1, с. 18].

Пафос «Философии имени» Булгакова состоит в полемическом диалоге с И. Кантом, и в теоретической части исследования он направляется, как замечала И.Б. Роднянская, «от ряда соображений

Гамана, Гердера, Якоби, от филологического философствования В. фон Гумбольдта и его русского последователя А.А. Потебни» [8, с. 9]. Критические высказывания Булгакова были обращены ко всякой попытке привести язык к имманентной функции сознания. И здесь, наряду с Кантом, не уделившим достаточного внимания языку, находится психологическая школа Штейнталя-Лацаруса и историко-генетический взгляд на язык Потебни. Булгаков шел дальше Флоренского в своем неприятии лингвистического психологизма и генетизма. Для него вопрос о языке — «вопрос не о генезисе и не о становлении» [1, с. 13]. Язык, согласно Булгакову, — первоэлемент бытия, а потому никакое сведение языка к чему-то более исходному немислимо. Психологическая оболочка науки о языке «не может объяснить появления его самого... если бы не было слова, не было бы языка, не было бы психологии языка» [1, с. 19]. Вопрос о языке есть вместе и вопрос о самом бытии. Проще говоря, философия языка есть онтология в собственном смысле.

Несмотря на полнейшее неприятие элементов психологизма в учении Потебни, размышляя о структуре человеческого слова, С.Н. Булгаков оставался верен структурным принципам российского языковеда, выделяя в слове «фонетическую сторону речи» (звук, *фонема*), «формальную оболочку» (*морфема*), «значение слова» (*синема*). Подобно Потебне, Булгаков полагал, что внутренняя форма носит объективный характер и тождественна *морфеме*. Она есть «тело слова» [1, с. 17], а не его содержание, отчего внутренняя форма «отличается от его смысла, а последний смотрится в чужое зеркало» [1, с. 29].

Булгаков также принимал и учение Потебни о «забвении внутренней формы» и вместе с последним признавал возможность обновления образного содержания слова за счет живой и конкретно-образной специфики самого языка: «При утрате внутренней его формы., — писал философ, — возможно по существу как бы новое рождение старого слова, сращение смысла не с новым, ранее не звучавшим звуковым аккордом, но со старым, зазвучавшим... по-новому» [1, с. 29].

Не менее интересна для нас и философия грамматики, которой Булгаков уделил существенное внимание на страницах «Философии имени». Здесь нужно особо подчеркнуть, что Булгаков стал первым философом после Потебни, который, заявив грамматическую систему в качестве философской проблемы, предпринял попытку полной онтологизации грамматических категорий.

Усматривая необходимое единство грамматической структуры языка и объективной действительности, мыслитель объяснял это тем, что «*λογος* — есть не только слово, мысль, но и связь вещей... мировая связь» [1, с. 42]. Опираясь на уникальную в истории русского языкознания работу Потебни «Из записок по русской грамматике», философ стремился установить «общую схему строения речи», понять «природу слов как “частей речи”», но делал существенную оговорку — «в онтологическом значении последних» [1, с. 43]. Последний момент проводит границу между субъективно-гносеологической интерпретацией грамматики у А.А. Потебни и ее онтологической реализацией у Булгакова.

Грамматика для философа являлась «конкретной гносеологией» и «конкретной логикой», условием всякой будущей логики и гносеологии. Познавая законы грамматического строя, сознание познает логическую структуру бытия.

Первичный акт мышления и познания, по Булгакову, был заключен в различении имени существительного и глагола, «субъекта и предиката». Существительное представляло собой отображение «общего свойства мира» — его бытия как субстанции, а глагол и прилагательное становились характеристиками бытия, его свойствами (акциденциями). Функция местоимения состоит в том, чтобы «выражать невыразимое в слове-идее, передавать мистический жест, онтологические точки касания» [1, с. 47], то есть указывать на апофатическую, неизменную сторону бытия, главнейшая из которых заключена в личном местоимении первого лица. «Я», полагал Булгаков, есть попытка языка указать на сущность вещи, центр исхождения ее многочисленных энергий. В этом смысле всякая речь эгоцентрична, ибо «говорится, построяется, мыслится, переживается от первого лица...» [1, с. 48]. Интересно привести и противоположное мнение Флоренского, для которого местоимение «я» являлось результатом грехопадения и было противно изначальной природе как бытия, так и человека: «Аскетическая практика, — писал он, — запрещает произносить слово Я. Отчетливость и незатуманенность духовной жизни требует усиленного самообъективирования и поуждения себя к выходу из субъективности» [9].

Учение о типах языкового мышления (поэзии и прозе) становится последним ключевым моментом лингвофилософии С.Н. Булгакова, непосредственно связанным с научным наследием А.А. Потебни. Философ подчеркивал художественный, творческий характер слова и речи. Для Булгакова метафоры (иносказания, символы) «образуют “железный инвентарь” языка, без которого речь не может сделать ни одного шага...» [1, с. 57]. Метафора становится условием взаимосвязи лексических единиц языковой структуры, отображением смыслового единства космоса. Природа слова «есть произведение искусств» [1, с. 16], полагал Булгаков, «творимая в слове картина мира» [1, с. 57].

Подобно поэтам-символистам, автор «Философии имени» невольно склонялся к примату поэтического языка над прозой. Причина того — в способности поэзии достигать смыслового единства в символическом образе, а также в бескорыстном внимании поэзии к самому слову, чего нет в прозаическом сознании, использующем слово как средство, инструмент познания. Поэтому поэзия для Булгакова «говорит об ином, не утилитарном, не рабьем, свободном отношении человека к миру... И все в человеке, космически, целостно, целомудренно осознанное, есть красота всего во всем» [1, с. 117].

Специфический характер носит и богословская составляющая концепции Булгакова, согласно которой Имя Божие не просто икона Бога, символ, несущий на себе Его нетварные энергии (точка зрения Флоренского), но более иконы, «не-икона», само Тело Христово. Булгаков проводил аналогию между Именем Божиим и пресуществленными в таинстве евхаристии хлебом и вином. «И в этом смысле, — продолжал

Булгаков, — Имя Божие занимает в онтологической иерархии то же место, что и свет Фаворский» [1, с. 155].

Учение Потебни совмещало в себе как элементы классического немецкого идеализма в интерпретации В. Гумбольдта, так и позитивистские тенденции, характерные для науки середины XIX века, а потому в широком смысле могло быть отнесено к гносеологической парадигме изучения языка. Напротив, исследования ряда мыслителей начала XX века, в том числе и труды С.Н. Булгакова, посвященные языку, находились в рамках парадигмы онтологической. Тем не менее сам факт столь серьезной трансформации философской рефлексии в истории русской мысли не помешал представителям различных школ и направлений найти точки соприкосновения и продолжить формирование отечественной лингвофилософской традиции.

Список литературы

1. *Булгаков С.Н. Философия имени* // Булгаков С.Н. Первообраз и образ: соч. в 2 т. Т. 2: Философия имени. Икона и иконопочитание. Приложения. — СПб.; М., 1999.
2. *Гаврюшин Н.К. У Чертога Премудрости: жизненный путь и религиозно-эстетические взгляды о. Сергия Булгакова* [Электронный ресурс]. URL: <http://humanities.edu.ru>.
3. *Лосев А.Ф. Вещь и имя* [Электронный ресурс]. URL: <http://philosophy.ru>.
4. *Половинкин С.М. Ревностная дружба* // Переписка священника Павла Александровича Флоренского со священником Сергием Николаевичем Булгаковым: Архив священника Павла Флоренского. Вып. 4. Томск, 2001.
5. *Постовалова В.И. Наука в свете идеала цельного знания* // Язык и наука конца XX века: сб. науч. тр. / под ред. Ю.С. Степанова. М., 1995.
6. *Потебня А.А. Из записок по теории словесности* // Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989.
7. *Потебня А.А. Из записок по русской грамматике: в 3 ч. М., 1958. Ч. 1—2.*
8. *Роднянская И.Б. Схватка С.Н. Булгакова и Иммануила Канта на страницах «Философии имени* // Булгаков С.Н. Первообраз и образ.
9. *Флоренский П.А. Имена* [Электронный ресурс]. URL: <http://ihtik.lib.ru>.

Об авторе

Е.И. Славгородский — ассист., РГУ им. И. Канта. E-mail: slavgorodsky1@yandex.ru.

About author

Ye. Slavgorodsky, Lecturer at the Department of Philosophy and Cultural Studies, IKSUR, e-mail: slavgorodsky1@yandex.ru.